

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-3-455-465
EDN: BKXQZ

Редакционная статья / Editorial article

Черноморский, Каспийский и Центрально-Азиатский регионы в глобальных процессах политического развития: представляю номер

С.С. Жильцов

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Российская Федерация

✉ sergej-z71@yandex.ru

Аннотация. В соответствии с общепринятым тезисом, который утвердился в научной литературе, считается, что роль Черноморско-Каспийского и Центрально-Азиатского регионов повышается и способствует динамичному развитию стран, которые в них входят. Действительно, под влиянием глобальных трансформаций, происходящих в мире, положение этих регионов, а также отдельных государств, значительно изменилось. Однако рассмотрение данного вопроса невозможно без критической оценки политики внерегиональных акторов: их роли в определении развития регионов и оказываемом влиянии на политические и экономические процессы в отдельных государствах. Хотя именно внерегиональные акторы зачастую определяли характер развития Черноморского, Каспийского и Центрально-Азиатского регионов и характер внутрирегиональных процессов. Именно внешние игроки последовательно встраивали каспийские, причерноморские и центральноазиатские государства в глобальные политические процессы, транспортные и энергетические проекты. Соответственно, странам этих регионов отводилась подчиненная роль. Хотя эти государства и разрабатывали собственные амбициозные геополитические проекты и долгосрочные программы развития, тем не менее итоги более чем тридцатилетнего развития Черноморского, Каспийского и Центрально-Азиатского регионов указывают на усиление зависимости от внерегиональных акторов и возросшую зависимость от происходящих в мировой политике и экономике процессов. Системный подход позволил исследовать значение Черноморского, Каспийского и Центрально-Азиатского регионов для внерегиональных акторов, их вклад в развитие мировой политики и экономики, выявить потенциальные направления их развития.

Ключевые слова: Каспийский регион, Черноморский регион, Центральная Азия, внерегиональные акторы, политический процесс

Для цитирования: Жильцов С.С. Черноморский, Каспийский и Центрально-Азиатский регионы в глобальных процессах политического развития: представляю номер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 3. С. 455–465. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-3-455-465>

© Жильцов С.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Black Sea, Caspian, and Central Asian Regions in Global Processes of Political Development: Introducing the Issue

Sergey S. Zhiltsov

*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow,
Russian Federation*

✉ sergej-z71@yandex.ru

Abstract. The common viewpoint, widely shared in the academic literature, is that the role of the Black Sea, Caspian, and Central Asian regions is increasing and contributes to the dynamic development of the countries that are part of them. Indeed, amid global transformations taking place in the world, the position of these regions, as well as individual states, has changed significantly. However, the analysis of this issue is impossible without a profound assessment of the policies of extra-regional actors: their role in determining the development of the area and their influence on political and economic processes in individual states. The extra-regional actors have often shaped the essence of development taking place in the Black Sea, Caspian, and Central Asian regions along with the nature of intra-regional processes. In the meantime, external actors have consistently integrated the Caspian, Black Sea and Central Asian states into global political processes, logistic and energy projects. As a result, the countries of these zones were given a subordinate role. Although these states developed their own ambitious geopolitical projects and long-term development programs, nevertheless, the results of more than 30 years of development of the Black Sea, Caspian, and Central Asian regions point to their increased dependence not only on extra-regional actors but also on the processes taking place in global politics and economy. The system approach allowed the authors to determine the importance of the Black Sea, Caspian, and Central Asian regions for extra-regional actors, assess their contribution to world politics and global economy, to identify potential directions of their development.

Keywords: Caspian region, Black Sea region, Central Asia, extra-regional actors, political process

For citation: Zhiltsov, S.S. (2024). Black Sea, Caspian, and Central Asian regions in global processes of political development: Introducing the issue. *RUDN Journal of Political Science*, 26(3), 455–465. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-3-455-465>

Введение

Формирование современного очертания Черноморского, Каспийского и Центрально-Азиатских регионов началось еще до распада СССР, в 1989–1990 гг. В тот период в странах Центральной и Восточной Европы с политической сцены ушли силы, которые ориентировались на развитие своих стран в рамках социалистической системы. Затем прекратила свою деятельность Организация Варшавского договора. В итоге после распада СССР в 1991 г. были образованы Черноморский и Каспийский регионы, а также Центральная Азия (до 1993 г. — Средняя Азия и Казахстан). Конфигурация данных регионов определялась географическими границами и тяготением прибрежных государств к Черному и Каспийскому морям. В этих регионах, несмотря на длительное нахождение

в составе социалистического блока, практически сразу обозначились различные внешнеполитические векторы, по-разному развивались политические процессы. В Черноморском регионе, такие страны, как Румыния и Болгария, проводили курс на вхождение в евроатлантические структуры. Турция попыталась усилить свое влияние в каспийских и центральноазиатских странах, одновременно сделав заявку на лидирующую роль в Черноморском регионе. Украина и Грузия проводили политику дистанцирования от России, при ориентации на развитие политических контактов с ЕС и США. В Каспийском регионе образовалось две группы государств, которые условно можно было разделить на страны, которые отстаивали самостоятельное развитие региона (Россия, Иран), и страны, которые рассматривали различные варианты расширения присутствия внерегиональных акторов (Азербайджан, Казахстан, Туркменистан). В Центральной Азии доминировал подход, согласно которому формально все страны выступали за налаживание регионального сотрудничества. На практике внешнеполитические устремления центральноазиатских государств были направлены на получение поддержки со стороны внерегиональных акторов и привлечение их к решению собственных проблем.

Подобное многообразие государств, имеющих собственную историю, различные традиции и культуры, предопределило различия в их внутривнутриполитическом развитии и внешнеполитическом курсе. В то же время пространство, которое занимают Черноморско-Каспийский и Центрально-Азиатские регионы, оказалось вовлечено в глобальные политические процессы, которые стали разворачиваться в 1990-х гг.

Границы регионов: теория и практика

Прежде чем рассматривать вклад регионов в мировой политический процесс, необходимо определить, что они собой представляют, где проходят их границы и какими критериями руководствуются исследователи различных государств. Вопрос относительно того, что включать в Каспийский, Черноморский регионы и Центральную Азию, изначально носил в значительной мере прикладной, практический характер. Это было связано с политикой внерегиональных акторов, для которых с начала 90-х гг. прошлого века было важно определить свою политику в отношении новых независимых государств и обозначить границы новых регионов, в которые они входили. Впрочем, в тот период времени говорить о каком-то четком наполнении политики в отношении Каспийского, Черноморского регионов и Центральной Азии со стороны внерегиональных «игроков» не приходилось. Они не сразу заполнили геополитический вакуум, а оценивали перспективы Каспийского и Черноморского регионов и Центральной Азии, формируя региональную политику в новых условиях.

Наиболее активно Запад действовал в Каспийском регионе. К этому его подталкивали сведения о наличии в новых прикаспийских странах — Азербайджане, Казахстане и Туркменистане значительных запасов углеводородных ресурсов. В частности, США «активно приступили к проведению многоаспектной

и многогранной политики в Каспийском регионе, тем самым формируя новую модель международных отношений периода, наступившего после окончания холодной войны» [Писарев 1999: 376].

Можно отметить, что Каспийский регион, его значение для внерегиональных государств определялся природными ресурсами. При этом сами по себе нефть и газ Каспийского региона не интересовали США и ЕС. Углеводородные ресурсы выступали в качестве инструмента политики внерегиональных государств, которые рассчитывали использовать этот фактор в реализации своих долгосрочных интересов. Для прикаспийских государств нефть и газ, их добыча и будущие поставки на внешний рынок представляли особый интерес. Решения целого комплекса вопросов, связанных с углеводородными ресурсами, определяли геополитическое развитие региона. Обеспечение стабильного доступа к углеводородным ресурсам являлось одним из приоритетов внешней политики США. Как отмечали российские эксперты, «энергетическая политика занимает одно из центральных мест в системе внешнеполитических действий США, что несло в себе осложнения в отношениях с Россией на Кавказе и Центральной Азии» [Жизнин 2000].

Подходы к определению регионов со стороны государств, которые в них входили, опирались, в первую очередь, на субъективное восприятие общности исторического развития, которое часто отрицалось, а также характер отношений между региональными странами и внешнеполитическими акторами. Наглядным примером в этом плане может служить Каспийский регион, интерес к которому, а точнее, к отдельным прикаспийским странам, определялся наличием значительных запасов углеводородных ресурсов и прохождением через них транспортных путей. Однако первоначально, после распада СССР, понятие «Каспийский регион», которое активно употреблялось в периодической печати и научной литературе, в большей степени было основано на интуитивном понимании, нежели на четком определении, в основе которого лежали бы определенные характеристики. Причины подобной ситуации в значительной мере определялись серьезными расхождениями в подходах к решению региональных проблем со стороны прикаспийских государств (правовой статус Каспийского моря, принципы разработки углеводородных ресурсов и направления их поставок). Большое влияние оказывала политика внерегиональных акторов, прежде всего США и ЕС, для которых принципиальным вопросом было не допустить какой-либо консолидации прикаспийских государств под эгидой России. Следует отметить, что для Запада в концептуальном плане Каспийский регион не вышел за рамки пяти государств, хотя предлагались иные критерии. В частности, были предложения включать в Каспийский регион субъекты прикаспийских государств, выходящих на берега Каспийского моря.

В отличие от западных исследователей российские ученые предлагали разнообразные теоретические конструкции. Одной из «популярных» идей стал концепт «Большого Каспийского региона», в который включался более широкий круг государств, не только омываемых Каспийским морем [Маркелов 2020]. Ряд специалистов считали, что Каспийский регион простирается до Ближнего Востока [Sasley 2004]. Эту позицию разделял известный турецкий специалист

Мустафа Айдын [Aydin 2004]. Астраханский исследователь В.М. Викторин отмечал, что «каспийские области в составе каждого из прилегающих государств приобретали дополнительную специфику, здесь же складывались особые этнические и конфессиональные общества» [Викторин 2002].

Популярной была идея о формировании некоторой каспийской общности. Как правило, при этом апеллировали к общей истории прикаспийских территорий, подразумевая, что они были включены в широкие исторические процессы. Как писал президент Казахстана Н. Назарбаев, «привлекающий мировые геэкономические, экологические и биохозяйственные интересы, Каспий выглядит обособленным геополитическим регионом, способным объединиться в некую общность. Этому также способствует разделяемая всеми приграничными странами позиция о совместном использовании толщи воды. В силу этого Каспийский регион представляется как стратегический форпост, являющийся важным элементом геополитической ситуации в Центральной Евразии» [Назарбаев 2003].

Однако большинство представлений о возможности формирования единой общности и появлении единых позиций по наиболее актуальным вопросам разбивались о практическую политику Запада, который видел в Каспии прежде всего источник углеводородных ресурсов. Более того, западные государства были заинтересованы в обособлении и разъединении прикаспийских государств. В противовес данной позиции на саммитах лидеров прикаспийских государств постоянно подчеркивалось единство «каспийской пятерки»¹.

Ряд российских ученых предлагали рассматривать понятие «Каспийский регион» через систему концентрических кругов-поясов, в центре которой — Каспий, его потенциал и проблемы, возможности и вызовы [Войтоловский, Косолапов 1999]. Согласно этому подходу, «ядро» Каспийского региона образуют пять прибрежных государств: Азербайджан, Иран, Казахстан, Россия, Туркменистан. Эти государства непосредственно «завязаны» на Каспии как с точки зрения использования его потенциала и возможностей, так и в плане неизбежности принятия на себя его проблем. Вторым элементом теоретической конструкции, которая определяла Каспийский регион, был «пояс» государств, которые участвовали в реализации или в будущем могли стать участниками нефте- и газопроводов, транспортных коридоров. К ним относили Грузию и субъекты РФ: Ингушетию, Осетию, Чечню, Ставропольский и Краснодарский края. В третий «пояс» включали государства, которые географически тяготели к Каспию, были с ним связаны через использование углеводородных ресурсов и инфраструктурные проекты и не попадали в две предыдущие категории. К таким государствам относят Турцию, Украину, Таджикистан, Саудовскую Аравию, Болгарию, Грецию, Армению и Узбекистан.

Данное определение региона имело существенный недостаток — оно не опиралось на четкие критерии. Тем не менее подобные теоретические построения

¹ Выступление Президента России на шестом Каспийском саммите. 29 июня 2022. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68779> (дата обращения: 13.06.2024)

оказались популярными среди российских ученых. Так, эксперт А.В. Грозин из Института стран СНГ считал, что регион Прикаспия в геополитическом плане включает в себя гигантскую территорию на стыке Европы и Азии. В него принято включать пять собственно прикаспийских государств. Кроме того, «околокаспийскими» являются страны субрегионов Северного Кавказа, Закавказья и громадные пространства Центральной Азии [Грозин 2000]. Схожую оценку давали и другие российские ученые [Малышева 2002], которые в Каспийский регион, помимо пяти прикаспийских государств, включали Закавказье, Центральную Азию и Турцию². В.С. Роман из Астрахани отмечал, что «в Каспийский регион принято включать южную часть Российской Федерации (Волгоградскую, Астраханскую, Ростовскую области, Ставропольский край, республики Калмыкию, Дагестан, Ингушетию и Чечню); Западный Казахстан, фактически весь Туркменистан, Азербайджан, Северный Иран и, естественно, само Каспийское море» [Роман 2002]. В свою очередь, иранист Е.В. Дунаева давала широкое определение: «Каспийский регион — это понятие, которое в узком смысле можно определить как бассейн Каспийского моря и прилегающие к нему территории». Более широкая трактовка — «регион, лежащий на границе Европы и Азии, вдоль исторически сложившейся в период „холодной“ войны линии Север-Юг, коридор по которому проходит размежевание двух цивилизаций: христианской и мусульманской» [Дунаева 1999]. Иранский международник Х. Гаффарзаде (Hamidreza Ghaffarzadeh) выделяет «Каспийский экономический хинтерланд» (The Caspian Economic Hinterland), определяя его как «административные единицы, выходящие на море»³.

Определение понятия «Каспийский регион» через энергетические ресурсы также наталкивалось на определенные проблемы. Не было четкого понимания: какие имеются объемы запасов углеводородных ресурсов, существовали сложности при реализации проектов трубопроводов. Соответственно, это не позволяло рассматривать данные факторы в качестве устойчивых характеристик Каспийского региона. «Каспийский регион характеризуется целым рядом структурно-территориальных особенностей, в числе которых: специфические природные условия; значительные, но не освоенные запасы полезных ископаемых; большой, но недостаточно используемый сельскохозяйственный, продовольственный, а также рекреационный потенциал; высокая концентрация промышленности в отдельных районах, которая оказывает на природу необратимое губительное воздействие; нестабильная социально-экономическая обстановка в условиях обострения этнических и религиозных проблем, характеризующаяся высокой вероятностью внутреннего вооруженного конфликта; наличие множества неурегулированных вопросов, возникших из-за появления государственных границ вместо административных. Все это в совокупности

² Турция в 1997 г. провозгласила себя прикаспийским государством.

³ Гаффарзаде Х. Выступление на международном семинаре независимых экспертов «Устойчивое развитие и региональная безопасность Каспийского моря и дельта его рек», 27–30 мая 2003 г., Астрахань.

серьезно нарушило существовавшие ранее хозяйственные связи и промышленно транспортную инфраструктуру, затронуло многие другие проблемы...» [Войтоловский, Косолапов 1999].

В отличие от российских ученых, которые включали в Каспийский регион значительные территории, зачастую удаленные на значительное расстояние от Каспийского моря, западные исследователи опирались на объективно существующие, хотя и не до конца четко определенные показатели. На одном из первых мест данного подхода находились энергетические ресурсы, которые занимали ведущее место в политике западных государств.

Иначе, чем от понятия «Каспийский регион» воспринималось определение «Черноморский регион». В политическом отношении практически все страны Черноморского региона отличались незавершенным характером процесса утверждения демократических принципов. Это касалось как Болгарии и Румынии, так и постсоветских государств, которые после распада СССР приступили к формированию политических систем на новых принципах. В геополитическом плане Черноморский регион представлял собой устойчивую конфигурацию интересов разных государств. Направленность Турции на доминирование в регионе, евроатлантические устремления Болгарии и Румынии, неустойчивое политическое развитие Грузии и Украины — все это предопределяло расхождение во внешнеполитических приоритетах. Сказывались различия в экономическом потенциале причерноморских государств, что привело к выделению лидеров развития — Турции, России и Украины, средних государств — Румынии и Болгарии, а также страны с незначительными экономическими возможностями — Грузии. В итоге ядро региона, если исходить из стран, которые омываются Черным морем, не складывалось. К этому добавилось влияние внешних сил, которые с момента распада соцлагеря, а затем и СССР, стали навязывать причерноморским государствам собственную внешнеполитическую повестку. Западные страны инициировали разработку энергетических и транспортных проектов, в которых странам Черноморского региона отводилась подчиненная роль.

Большое влияние на развитие региона, его позиционирование в современных политических процессах оказал энергетический фактор. В силу географического положения Черноморский регион изначально стал рассматриваться в качестве продолжения транспортных и энергетических артерий, которые брали начало в Каспийском регионе. В результате энергетический фактор оказал огромное влияние на позиционирование региона в мировой политике, если исходить из его встроенности в интересы западных государств. Более того, западные страны активно продвигали проекты, которые были направлены на то, чтобы через энергетические потоки замкнуть Центральную Азию, Каспийский и Черноморский регионы, обеспечив их геополитическое сближение с Европой. Эта амбициозная задача активно продвигалась США, ЕС и Турцией, которые выступали сторонниками формирования транспортно-энергетических маршрутов, идущих в направлении Восток — Запад. В 90-х гг. прошлого века с подобными инициативами активно выступали США, предлагая формировать новые энергетические потоки, которые рассматривались в качестве геополитического

каркаса огромного пространства, занимаемого Центральной Азией, Каспийским и Черноморским регионом [Жильцов С.С., Зонн И.С. 2009].

В широком понимании Черноморский регион представлял собой мозаику политических интересов причерноморских государств, которые постоянно дополнялись внерегиональными акторами. После распада СССР регион перестал восприниматься как европейская геополитическая периферия. Он стал рассматриваться в качестве перспективного региона, «геополитического моста», соединяющего Каспий и Центральную Азию с Европой. Тем более что исторически Черноморский регион неразрывно был связан с Каспийским, образуя единое целое с точки зрения торговых путей и экономических связей. Вступление в 2004 г. в НАТО, а в 2007 г. — в ЕС вывело европейское интеграционное объединение на берега Черного моря, а вместе с этим — поставило вопрос о реализации долгосрочных не только политических, но и экономических задач.

В широком географическом плане, если страны, которые входят в Организацию Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) и не связаны с Черным морем, регион является местом пересечения различных геополитических сил. Здесь пересекаются экономические, транспортные и энергетические интересы как региональных, так и внерегиональных государств.

Помимо шести государств, которые исторически имеют выход к Черному морю — Болгария, Грузия, Россия, Румыния, Турция и Украина, к региону можно отнести и Молдавию, которая получила выход к морю за счет постройки порта в Джурджулешты. Он расположен в 134 км от Черного моря на левом берегу реки Прут и Дунай в селе Джурджулешты. Если добавить к этим странам Армению, Азербайджан и Молдавию, то получится «Большой Черноморский регион». Часто употребляют понятие «Большое Причерноморье», которое «объединяет страны, имеющие общие интересы, прежде всего, в сфере экономики и безопасности, связанные общностью исторических и культурных традиций. Географически оно объединяет страны Юго-Восточной Европы — Балканы и Кавказ, а также прибрежные государства Северного и Южного Причерноморья» [Средиземноморье... 2006: 30–31]. В материалах, подготовленных ко времени обнародования инициативы ЕС для Черноморского региона (2007 год), к региону были отнесены Греция, Болгария, Румыния, Молдавия, Украина, Россия, Грузия, Армения, Азербайджан и Турция.

Понятие «Центральная Азия» появилось в 1993 г. До этого времени этот регион включал в себя четыре государства Средней Азии и Казахстан. Центральноазиатские государства стремились рассматривать себя в качестве геополитической единицы [Гарбузарова 2022]. Однако единство региона носило условный характер. Более того, в Центральной Азии в 1990-х гг. усиливались дезинтеграционные процессы, прежде всего, из-за нерешенных водно-энергетических проблем и однородности экономик центральноазиатских государств. Препятствием на пути достижения регионального сотрудничества (попытки интеграционных проектов оказались нереализованными) выступали политические амбиции лидеров центральноазиатских государств, которые стремились к политическому доминированию. Кроме того, все страны Центральной Азии,

при сходстве подходов к политическому управлению, имели разную историю, традиции и менталитет.

Центральная Азия оказалась под мощным влиянием внерегиональных акторов. Использование многосторонних механизмов взаимодействия и инфраструктурные проекты, инициированные Западом и Китаем, усилили вовлеченность центральноазиатских государств в орбиту интересов внерегиональных государств [Kechagias 2023].

Современный этап

Дискуссии относительно роли Черноморского, Каспийского и Центрально-Азиатского регионов продолжались в последние годы. Общим утверждением, которое находило отражение в значительном количестве научных работ российских и зарубежных авторов, является тезис о возрастании их роли в мировой политике, экономике, энергетике. С этим сложно не согласиться. Однако вне рассмотрения оставался и до сих пор актуален комплекс вопросов, связанных с определением степени влияния внерегиональных акторов на развитие данных регионов. Их вовлеченность в международные инфраструктурные, энергетические и геополитические проекты, как правило, получают положительные оценки. В то же время подобное участие усиливает зависимость от политики внешних игроков, которые точно определили место и значение регионов и отдельных государств в своей политике. Соответственно, теоретические оценки и практические подходы при реализации политики внерегиональными акторами направлены на недопущение политической консолидации внутри регионов, расширение их внутрирегионального экономического взаимодействия.

Это четко прослеживается на примере Черноморского, Каспийского и Центрально-Азиатского регионов. Так, в последние тридцать лет политические и экономические связи причерноморских, каспийских и центральноазиатских государств в рамках указанных регионов не получили значительного развития, в то время как с внерегиональными игроками они укрепились и вышли на новый уровень. Политическое развитие Каспийского региона скрепила Конвенция о правовом статусе Каспийского моря (2018 г.), закрепив приоритет «каспийской пятерки» в решении ключевых проблем. Однако документ не повлиял на экономические связи прикаспийских государств с внерегиональными акторами и, тем более, на появление и реализацию различных инфраструктурных проектов. При этом большая их часть инициирована извне и не оказывает консолидирующего влияния на развитие стран региона. Курс на превращение Каспийского региона в сырьевой придаток был инициирован после распада СССР западными странами и получил в дальнейшем практическое подкрепление. Для реализации данной задачи были разработаны трубопроводные проекты поставок углеводородных ресурсов. Наиболее значимыми энергетическими проектами в Каспийском регионе стали нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан, газопровод Баку — Тбилиси — Эрзерум, а также «Южный газовый коридор», который обеспечит доступ каспийским углеводородным ресурсам из Азербайджана на европейский рынок.

Схожая ситуация наблюдается в Черноморском регионе, за которым прочно закрепилась роль транзитера энергетических ресурсов и «моста» в реализации транспортных коридоров. Так, за Черноморским регионом закрепилась роль транзитера каспийских углеводородных ресурсов. Реализация нескольких трубопроводных проектов не изменила роль региона, который интересен для внерегиональных акторов в качестве «моста» между Каспийским регионом и Европой.

Центральная Азия стремилась повысить самостоятельность в мировой политике и экономике. Однако идеи развития регионального сотрудничества и формирования общей региональной повестки, которые обсуждались в 1990-х гг., но так и не были реализованы, входили в противоречие с интересами внерегиональных акторов. Китай, США, ЕС, Индия, Турция и другие продвигали свою политическую повестку, направленную на вовлеченность центральноазиатских государств в сферу своих геополитических интересов и использование их территории в качестве составной части транспортных маршрутов. Не случайно в одном из исследований, посвященных Центральной Азии, отмечалось, что «снижение уязвимости к внешним факторам возможно через укрепление внутренних источников роста. Странам региона необходимо преодолеть четыре ключевых структурных вызова — это отсутствие выхода к морю, ресурсная зависимость и низкий уровень развития финансового сектора, рассогласованность в водно-энергетической сфере, климатические изменения» [Винокуров 2022: 10].

Большое влияние на развитие стран Центральной Азии оказывали внутриполитические события. Государства данного региона продолжали развиваться в русле привычных методов, опираясь не на демократические принципы, которые формально все поддерживали, а на основе традиций, предполагающих наличие авторитарной власти, которая концентрировалась у президента [Жильцов 2016].

Данный выпуск журнала посвящен политическому развитию Черноморского, Каспийского и Центрально-Азиатского регионов, их роли в мировой политике. Исследователи из разных образовательных и научных центров России и других стран представили материалы теоретического и эмпирического характера по широкому кругу актуальных вопросов.

Поступила в редакцию / Received: 11.08.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.08.2024

Библиографический список

- Викторин В.М.* Ареалы Прикаспия как специфическое Евразийское приграничье // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2002. № 1. С. 40–46.
- Винокуров Е., Ахунбаев А. и др.* Экономика Центральной Азии: новый взгляд // Доклады и рабочие документы 22/3. Алматы, Бишкек, Москва: Евразийский банк развития, 2022.
- Войтоловский Г.К., Косолапов Н.А.* Особенности геополитической ситуации в Каспийском регионе // Европа и Россия: проблемы южного направления. М.: ИНТЕРДИАЛЕКТ+, 1999. С. 307–322.

- Гарбузарова Е.Г. Центральная Азия во внешней политике Турции и Ирана. М.: Аспект Пресс, 2022.
- Грозин А.В. Похмелье туранизма. Каспий как эпицентр возможных кризисов XXI века // Вестник Каспия. 2000. № 6. С. 24–31.
- Дунаева Е.В. Каспийский регион и Иран // Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее. М.: ИВ РАН, 1999. С. 129–137.
- Жизнин С.З. Энергетическая дипломатия США // США и Канада. 2000. № 2. С. 72–94.
- Жильцов С.С., Зонн И.С. США в погоне за Каспием. М.: Международные отношения, 2009.
- Жильцов С.С. Политические процессы в Центральной Азии: особенности, проблемы, перспективы // Центральная Азия и Кавказ. 2016. Т. 19. № 1. С. 23–31.
- Мальшева Д.Б. Россия и Каспийский регион: проблемы безопасности развития. М.: ИМЭМО, 2002.
- Маркелов К.А. Концепт «Большого Каспия» в контексте геополитического измерения // Современная наука и инновации. 2020. № 2. С. 114–123. <https://doi.org/10.33236/2307-910X-2020-2-30-105-113>
- Назарбаев Н.А. Критическое десятилетие. Алматы: Атамұра, 2003.
- Писарев В.Д. Политика США в Каспийском регионе // Европа и Россия: проблемы южного направления. Средиземноморье-Черноморье-Каспий / ред. В.В. Журкин и др. М.: Интердиалект+, 1999.
- Роман В.С. Геополитические факторы в тенденциях экономического развития Каспийского региона. Каспий — место столкновения интересов // Единый Каспий: международное сотрудничество проблемы экономического и социального развития региона. Астрахань, 2002. С. 34–45.
- Средиземноморье — Черноморье — Каспий: между большой Европой и Большим Ближним Востоком / под ред. Н.П. Шмелева, В.А. Гусейнова, А.А. Язьковой. М.; 2006. С. 30–31.
- Aydin M. Oil. Pipelines and Security: The Geopolitics of the Caspian Region // The Caspian Region. A Re-Emerging Region / ed. Grammer Moshe. Routledge. 2004. № 1. <https://doi.org/10.4324/9780203005118>
- Kechagias A.-E. Between China and the Mediterranean: Detecting Intercultural Communication Before the Silk Road // Cities' Vocabularies and the Sustainable Development of the Silkroads. SRSTDCH 2023. Advances in Science, Technology & Innovation / ed. by S. Kostopoulou, G. Herrera-Franco, J. Wood, K. Al-Kodmany. Springer, Cham, 2023. P. 117–127. https://doi.org/10.1007/978-3-031-31027-0_10
- Sasley B. The Intersection of Geography and Resources: Geopolitics in the Caspian Sea Basin // Geopolitics: Global Problems and Regional Concerns / ed. Tchantouridze Lasha. Winnipeg: Center for Defense and Security Studies. University of Manitoba. 2004.

Сведения об авторе:

Жильцов Сергей Сергеевич — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД России (e-mail: sergej-z71@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-4898-2627)